

Хроники Петрополиса

Тимур Суворкин

Проклятие
Гдома
Грезецких

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С89

Редактор серии *Анастасия Осминина*

Внутренние иллюстрации *Тимура Суворкина*

Оформление серии *Екатерины Петровой*

Суворкин, Тимур Евгеньевич.

С89 Проклятие дома Грезецких: расследования механического сыщика / Тимур Суворкин. – Москва : Эксмо, 2025. – 384 с.

ISBN 978-5-04-210938-6

После раскрытия заговора в Оболючке способности Ариадны вызывают все большее уважение, а Виктора Остроумова представляют к награде.

При этом по всей империи вспыхивают бунты, обстановка накаляется и грозит свержением императрицы и войной с Декабрией. На фоне этого новое дело Виктора Остроумова о пропаже одного из сыновей известного рода, кутилы и франта, кажется пустяковым. Но мрачная усадьба Грезецких в Искрорецке хранит гораздо больше кровавых секретов. Сумеет ли Ариадна вычислить преступника и спасти Виктора и себя?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-210938-6

© Суворкин Т.Е., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ПРОЛОГ

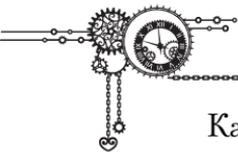
Гроза разрывала дымное небо. Стена кислотного ливня рушилась на город. За его жгучей пеленой Петрополис исчез, истерся. Все, что я мог видеть, это смутные силуэты башен доходных домов и редкие проблески прожекторов церквей, что указывали путь плывущим над городом дирижаблям.

Шатаясь, зажимая рану в боку, я подошел к окну и саданул по нему рукояткой шокового разрядника. Затем ударил снова. И снова. Безрезультатно. Толстенное каленое стекло наверняка могло бы выдержать даже попадание пули. И это означало только одно — живым из этой комнаты я уже не выберусь.

Стук каблучков по мраморному полу. Скрип открывающейся двери. Я обернулся, глядя в холодные, горящие синим огнем глаза.

Вспышка ветвистой молнии вспорола дымные тучи. Комната на миг озарилась, позволяя мне разглядеть Ариадну. Ее прекрасное лицо было разбито. Биофарфор кожи потрескался, а местами осыпался вовсе, открыв спрятанный под ним металл. Мундир дымился. Длинные лезвия, выпущенные из рук Ариадны, были черны — и черны они были от моей крови.

Каблуки вновь зацокали по мрамору — она двинулась ко мне. Я выдохнул и поднял тяжелый шоковый разрядник, направляя его ствол в грудь сыскной машины. Это заставило ее замереть, выдерживая дистанцию. Впрочем, и я, и Ариадна одинаково хорошо понимали, что все уже было кончено. Машины не устают, а меня покидали последние силы. Сколько я так простою? Минуту? Другую? Рука дрожала. Мундир все больше напитывался кровью.

— Как же так? — тяжело спросил я свою напарницу.

— А чего еще вы от меня ждали, Виктор? — Она пожала плечами. Механично и бездушно, но, как мне показалось, в ее светящихся синих глазах было сочувствие. Сочувствие и глубокая тоска.

— Я сожалею, что все вышло так, Виктор, — произнесла Ариадна, а затем как-то рассеянно поправила осколки разбитого биофарфора на своем лице, даже не замечая, как пачкает его белизну моей кровью.

Она помолчала, а затем негромко добавила:

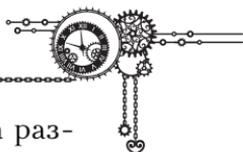
— Мне было очень приятно с вами работать.

— Мне тоже. — Я сказал это абсолютно искренне, а затем тяжело вздохнул. — Ариадна, я тебя не виню. Я сам во всем этом виноват. Только я. Не ты.

Она на миг замерла. На ее разбитом лице появилась неожиданная робкая улыбка.

— Спасибо, Виктор. Ваши слова были... Важны для меня.

Синий свет в глазах сыскной машины на краткое мгновение потеплел, а еще через миг, как только моя рука дрогнула и тяжелый ствол разрядника повело вниз, Ариадна стремительно рванулась с места, целя мне в горло ударом своих лезвий.

За тот короткий миг, в который она покрыла разделявшее нас расстояние, многое успело пронестись у меня в голове. И самым ужасным было осознание всего лишь одного факта: если бы месяц назад некий Жоржик не выпил за ужином лишнюю бутылку мадеры, то не произошло бы ни дикой череды убийств в Искрорецке, ни раскрытия нами нависшего над империей заговора, ни того, что сейчас моя верная напарница пытается меня убить. Да, мадера и Жоржик — это, без сомнения, самое плохое сочетание, какое можно только придумать. Хуже этого, наверное, только пороховой погреб и тлеющий окурок. Или вино и подмешанный в него цианид. Или я и упорно пытающаяся меня убить сыскная машина стоимостью в сто сорок четыре тысячи золотых царских рублей.

Время почти остановилось. Лезвия Ариадны медленно-медленно резали воздух, неуклонно приближаясь к моему горлу. Моя рука так же медленно поднималась в защитном движении. В голове безумным калейдоскопом неслись случившиеся за этот месяц события...

ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ

ТЕРНОВЫЙ САД

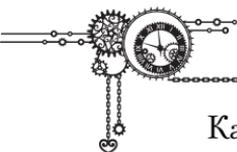

0001

«Когда наступает ночь и из сыскного отделения уезжает последний сотрудник, я запираю свой кабинет изнутри. Петрополис за окном тонет в зловещем мраке. Тьма улиц, застланных густым фабричным дымом, становится абсолютной. В этот поздний час даже тяжелые прожекторы, выставленные на перекрестках, не могут прорвать ее дальше пары десятков шагов. Город исчезает. Исчезает для всех, кроме меня.

Я стою перед картой Петрополиса, занявшей всю стену моего кабинета. Подробнейшая, она вмещает и саму столицу империи, и все ее пригороды. Художник постарался на славу, выведя на ней каждую деталь. Вот оцетинилась лесом труб Фабричная сторона, вот прочерчены ажурные конструкции взлетающего над столицей Верхнего города. Я вижу верфи Капонирного острова и плавучую тюрьму «Заря», вижу Тайное село и прижавшийся к Мертвому заливу Искрорецк. Вижу Вертикальную слободу и цепочку фортов, защищающих нас от того, что приходит в залив по весне из Северного ядовитого океана. Петрополис раскидывается передо мной. И я начинаю работу.

Карта пронзена булавками. Их здесь много. Очень много. В дюжине ведьминских кукол вряд ли наберется столько. Ими пришпилены скупые газетные вырезки, фотографии, листки со столбиками цифр. Сегодня их количество увеличится вновь. Я беру свежую вырезку и креплю ее к карте. Затем еще одну вырезку и еще. От каждой иглы я протягиваю алую нить. Такую же, как множество других, что уже тянутся через карту от остальных булавок.

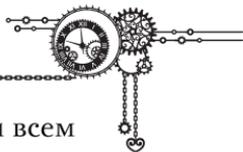
Закончив, я задумчиво осматриваю результат. Паутина из сотен нитей пронизывает город. И все они, абсолютно все ведут лишь в одну точку. Прямо в его центр, туда, где на набережной Екатерининского канала высится здание сыскного отделения столицы.

Я работаю всю ночь. Табачная пелена в кабинете становится гуще, чем угольный дым за окном. Кружки полнятся остатками кофе, черного, как воды реки Смолец.

Мысли стремительно несутся в голове. Один вывод сменяет другой. Наконец, когда уже поднимается солнце и дым за окном чуть светлеет, озарение приходит в мой мозг. Взглянув на булавку, воткнутую возле Золотого села, я еще раз перечитываю текст вырезки и смотрю на фотографию. Все наконец становится на свои места. Теперь мои многолетние поиски наконец завершены...»

— Нет. — Это было единственным словом, которое я произнес после того, как отложил листки с мемуарами шефа.

— Да почему нет? — Расположившийся на противоположном сиденье локомотива Парослав Котельников, начальник сыскного отделения Петрополиса, недовольно скрестил свои могучие руки на груди.

– Да потому что, Парослав Симеонович, при всем моем к вам гигантском уважении, нельзя, ну просто никак нельзя начинать второй том ваших легендарных мемуаров со сцены, где вы раздумываете, в каком районе Петрополиса купить себе дачу.

– Да как так, Виктор? Ну что значит нельзя? – Парослав Симеонович чуть не выронил от возмущения свою трубку. – Хорошая ж сцена. Напряженная. И диспозицию сразу дает.

– Экспозицию, – осторожно поправил я шефа.

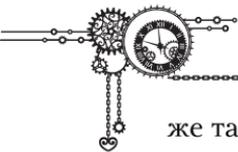
– Да какая к чертям сибирским разница! И самое главное, я сколько раз тебе повторял, Виктор, – это не дача! Это – усадьба! Да я даже больше скажу – имение! Там и пруды, и щучки, и крыжовник вдоль дорожек! Фонтан в саду и тот есть! А мезонин? Мезонин там какой! Не мезонин – Парфенон целый!

Я устало выдохнул.

– Послушайте, я же со всем уважением, но прошу, откройте вы книгу чем-нибудь другим. У вас же столько блестящих расследований было! Вот хоть, например, дело Обуховского зверя. Или подмена короны Екатерины Третьей. Или, помните, как вы Малахитового душителя задушили? Да в конце концов, – про убийство князя Мериносова-Бельского написать можно, гриф секретности уже снят.

Старый сыщик негодуяще фыркнул:

– Ну ты, Виктор, даешь, сравнил ерша с селедкой. Убийцу князя Мериносова-Бельского я полгода разыскивал. А на поиск имения я семь лет жизни положил! Семь! Ты представляешь, насколько это сложное дело было? Чтоб и до сыскного отделения добираться легко было, и пруды со щучками присутствовали, и недорого чтоб, и мезонин был... Какой там мезонин, ну какой

же там мезонин! Капитально же сделан — хоть из пушки трехдюймовой пали — ничего ему не будет.

Я закатил глаза.

— Парослав Симеонович... Ну поймите, я же как лучше советую. Ну сами ведь понимаете, другой надо сценой открыть. Более увлекательной. Динамичной. А когда князя Мериносова-Бельского на балу закололи, там как было? Сперва драка с убийцей в маске, потом погоня за ним по крышам. А затем и вовсе перестрелка!

Шеф негодуяще всплеснул руками:

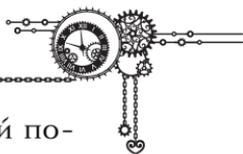
— Перестрелка? Вот тебе бы только про перестрелки читать. Виктор, тебе их что, на работе не хватает, что ли?

Парослав Котельников бесцеремонно дернул меня за полу новенького, но уже простреленного сразу в двух местах плаща. Затем расстроено покосился на сиденье, где лежал его любимый котелок, безнадежно испорченный попаданием крупнокалиберной пули.

Одежду нам с шефом продырявили пару часов назад, когда вместе с командой агентов мы брали банду кровавого есаула Плахова. Несколько дней мы находились в Санкт-Шлиссельбурге, тщательно готовя засаду, и вот, наконец, шайка была разгромлена, а мы погрузились в служебные локомобили, двинулись обратно в столицу.

В дороге каждый из нас убивал время как мог.

Парослав Симеонович черкал в блокноте наброски своих мемуаров. Я как мог давал советы по их улучшению. Сидящая рядом со мной Ариадна — единственная из нас, чей гардероб совсем не пострадал в перестрелке, меланхолично вычищала встроенные в ее пальцы лезвия.

Откинув к своим высоким сапогам очередной покрасневший от бандитской крови платок, сыскная машина поднесла руки к биофарфоровому лицу. Критично оглядев лезвия со всех сторон, она с явным намеком обратила на меня свои светящиеся синево́й глаза.

Я взглянул на кучку багровых тряпочек у ее ног, что еще четверть часа назад являлись моими белоснежными, отменно накрахмаленными батистовыми платками. Затем возмущенно посмотрел на напарницу.

Та продолжила требовательно смотреть на меня.

Я нахмурился.

Та в ответ усилила свечение глаз.

Дуэль наших взглядов закончилась тем, что я полез под сиденье локомотива и демонстративно вытащил ящик с инструментами. Достав оттуда ветошь, я попытался вручить ее Ариадне.

Сыскная машина, не удостоив тряпку и взглядом, продолжила выжидательно смотреть на меня.

Закатив глаза, я убрал ветошь на место и нехотя протянул Ариадне последний из оставшихся у меня французских носовых платков.

— Благодарю, Виктор. — Напарница учтиво кивнула и, приняв белоснежный батист, продолжила невозмутимо чистить свои клинки от крови.

Я вздохнул, разглядывая ее острейшие лезвия.

— Ты только давай как-то аккуратнее в следующий раз. А то ты главаря как свинью разрубила — надвое, от шеи до паха.

— И что с того? — Машина недоуменно посмотрела на меня.

— А то, что ты его при этом из окна вышвырнула. Прямо на базарную площадь.